

О ПРАЗДНОВАНИИ 1000-ЛЕТИЯ РОССИИ

Публикуемая забытая корреспонденция Слепцова «Из Новгорода» появилась на страницах «Северной пчелы» 10—11 сентября 1862 г. С 1860 г. «Северную пчелу» (ранее реакционный полуофициальный орган) редактировал П. С. Усов, придавший газете умеренно-либеральное направление. Слепцов сотрудничал в это время в газете в качестве ее собственного корреспондента и помещал в ней рассказы и очерки («Уличные сцены», «На железной дороге», «Вечер»).

В сентябре 1862 г. редакция послала Слепцова в Новгород, чтобы напечатать корреспонденцию о праздновании тысячелетия России. Упоминание об этом мы находим в письме Слепцова к М. А. Маркович от 23 февраля 1863 г. (см. о нем далее).

Слепцов поручение выполнил. Корреспонденция появилась в печати и привлекла внимание не только читателей, но и властей своеобразным подходом автора к освещению новгородских торжеств.

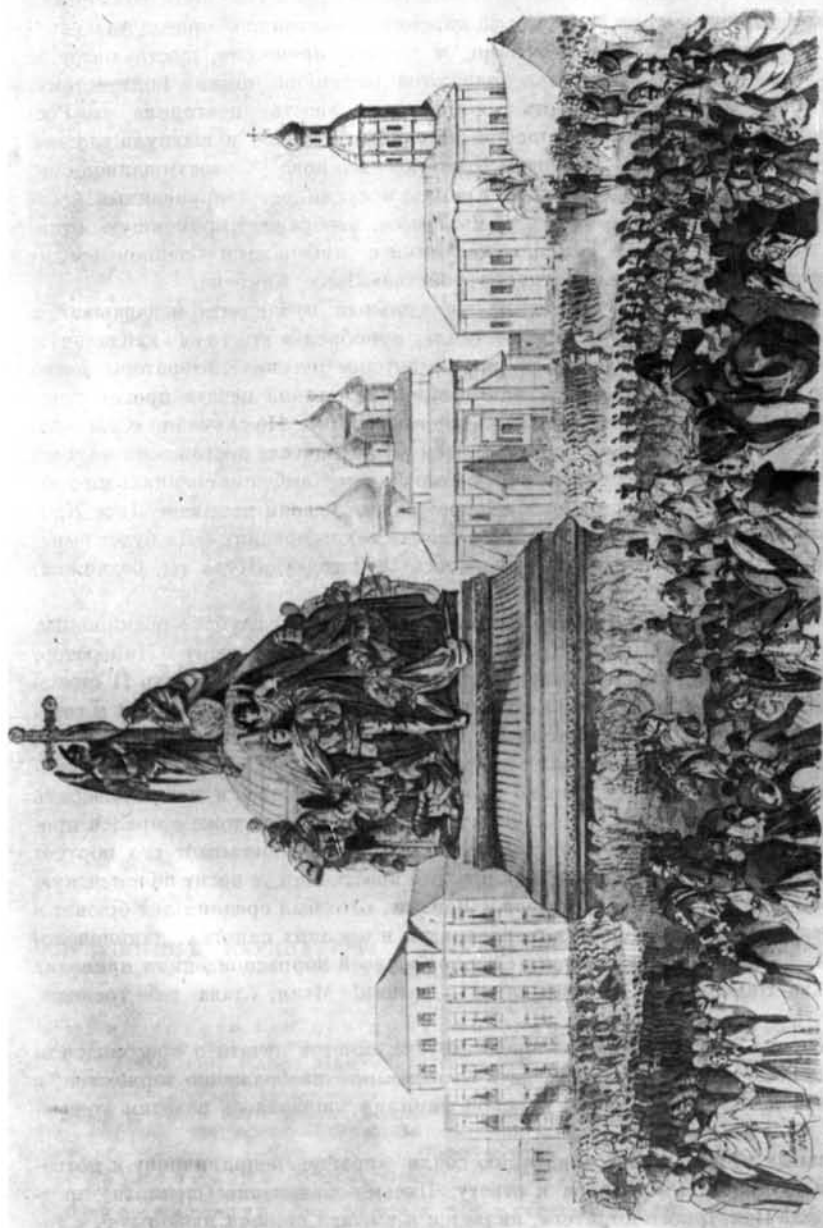
Подготовка к празднику тысячелетия России велась с самого начала 1862 г. Газеты и журналы не только официального направления, но и либерального лагеря уже в январе начали печатать юбилейные статьи, в которых читателям предлагали оглянуться на долгий и «славный» путь, пройденный русским государством. «Тысяча лет России, тысяча лет России! — писали «С.-Петербургские ведомости». — Ударил колокол. Это не погребальный звон умершему государству; это набат возрождения славных племен к новой жизни, канун которой отпразднован был 19 февраля! Руки ваши, братья!»¹

На фоне этих праздничных фанфар и славословий корреспонденция Слепцова резко выделялась своим будничным обыденным тоном. Достаточно сказать, что более чем две трети статьи заняты описанием дороги в Новгород и лишь одна треть посвящена собственно празднику.

Писатель как бы мимоходом замечает, что простой народ, о котором официальная и либеральная печать шумно писала в эти дни, как о главном герое праздника, в действительности участвовал в нем довольно странно: целые сутки стояли на берегах Волхова разряженные ради торжественного дня крестьяне. Их заставили ждать парход царя и членов царской фамилии, чтобы приветствовать их громкими кликами «ура!». Это бросается в глаза Слепцову по дороге в Новгород. А в самом городе он опять наблюдает, как поступают власти с людьми из народа: мужиков с котомками за спиной и в протертых лаптях не пустили ни к собору, ни к памятнику. И это обычно, этому никто не удивляется: «Вы — мужики, и следственно, рассуждать об этом вам никак невозможно. Что вы понимаете?» — увещевает крестьян отставной солдат.

Умело и тонко подводит Слепцов читателя к выводу о том, насколько чуждой народу является вся эта официально-праздничная шумиха. Она затеяна правительством в надежде на политическую консолидацию русского общества, когда самодержавие перешло от обороны против революции к нападению на ее силы. Слепцов нарочито снижает описание торжеств. Немец-виноторговец, изобразивший над дверями своей лавки русского мужика, похожим на пуделя с лентой; петербургский городской, который муштрует новгородских старшин и советует им расчесать свои «мочалки», раскисшая и расклеившаяся иллюминация, — все это под сатирическим пером Слепцова превращает новгородское торжество в глупый и целепый фарс.

Подчеркнуто скупо изображен приезд царя. «„Царь едет! Царь едет!“ — проносится в толпе. Вот показался парход, музыка заиграла и в то же время стал накрапывать дождь» (курсив мой. — Л. Е.). Интересно сопоставить эти протокольно сухие строки, лишенные какой-либо эмоциональной экспрессивности, с многоглаголивыми подбострастными тирадами других авторов, описывающих то же самое событие. «7-го сентября вечером царственные путешественники приплыли на пароходе по Волхову. Народ громкими криками „ура!“ приветствовал государя», — писал придворный биограф Александра II С. С. Татищев². «Народ встретил возлюбленного монарха с необыкновенной радостью и восторгом, — сообщал другой корреспондент «Северной пчелы». — Мы были свидетелями, как многие срывали с себя одежду и бросали под ноги государю; как некоторые становились на колени, смотрели на государя и крестились, называя его ангелом небесным. От криков „ура“ дрожал, так сказать, воздух»³.

Рисунг Г. И. С. Рыбинского

ОТКРЫТИЕ ПЕРВОГО ПЕЧАТНИКА В ЧЕСТЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ РОССИИ
 № 1. Выходитъ 1-го 1862 г. 1-й (Сентябрь)

ОТКРЫТИЕ В НОВГОРОДЕ ПАМЯТНИКА В ЧЕСТЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ РОССИИ

Литография С. Рыбинского, 1862 г.

Литературный музей, Москва

Слепцов же лишь констатирует факты: «Государь сошел с парохода, сел в коляску и поехал в Кремль». «После парада государь вместе с государыней и членами царской фамилии отправился в архиерейский дом...»

Лицо автора скрыто под маской сухого регистратора событий, но иронический тон статьи, прием умолчания, ловкое сопоставление торжественного со смешным наталкивали самого читателя на выводы. «Герой дня» Лев Камбек, «надувающий» волховских мужиков, которые принимают его пароход за царский, и настоящий приезд Александра II, народ, который сдерживают войсками, и пышная процессия, шествующая по разостланному сукну вокруг памятника, являются достаточно яркими контрастами.

В дни праздника либеральная печать с особой назойливостью повторяла, что Россия благодаря «великой реформе» добилась необычайных успехов и шагнула дальше, чем за предыдущую тысячу лет. «В древнем Новгороде все ново!» — восхищались они. Слепцов же мимоходом упоминает «старый Кремль, искусно реставрированный неизвестно зачем» и, как символ пресловутого прогресса, изображает промокшую, отказавшуюся гореть иллюминацию. В целях полемики с либералами Слепцов вводит в статью и мимо сочувственное описание «геройства» Льва Камбека.

Лев Логгинович Камбек — известный либеральный публицист, издававший в 1861—1862 гг. журнал «Петербургский вестник», приобрел в эти годы скандальную известность, выпустив приложение к журналу, которое русские литераторы метко окрестили «Ерундой». Сатирические выпады в демократической печати против этого пошлого и безграмотного журнала были очень многочисленны. Не случайно «Свисток», «торжественно» перечисляя в связи с тысячелетием «выдающиеся» достижения на пути прогресса, на одно из первых мест ставит открытие Львом Камбеком специального отдела для ерунды⁴. Василий Курочкин в «Искре» издевательски называет Льва Камбека «львом сезона»⁵ и часто высмеивает его в своих стихотворениях («Да будет омрачен позором...», «Гласность 1859 года и гласность 1862 года», «Куда ты, бедняжка, попал?..», «Благоразумная точка зрения» и т. д.).

Политические воззрения Льва Камбека были по сути своей глубоко реакционны. Ему принадлежит статья «Ответ русского на французскую брошюру „Император, Польша и Европа“», в которой проводилась мысль, что император Александр II «пожелал честно послужить Польше» и решил «упрочить счастье поляков на прочных и твердых основаниях, увеличить их нравственное и вещественное благосостояние»⁶. Однако в начале 1860-х годов Камбек заигрывал с демократическим лагерем и разглагольствовал о том, что «надо слиться с народом». «Я простой русский человек и люблю говорить правду», — так представился он Н. А. Лейкину⁷. Внешне Камбек тоже старался произвести впечатление «простого русского человека». Вот как описывает его портрет А. Ф. Иванов: «Он одевается по-русски, как простой крестьянин, и носит коломенскую шляпу гречневиком». То же самое сообщает и Лейкин: «Это был средних лет брюнет в красной кумачевой рубаше, в широких шароварах и в высоких сапогах, длинноволосый, бородатый»⁸. Должно быть, поэтому Слепцов в своей корреспонденции приводит такие слова Льва Камбека: «Я не генерал, я — мужик! Меня, слава тебе господи, знает Россия».

Статья Слепцова резко выделялась среди других отчетов печати о новгородском празднике. Уже само намерение автора дать *сатирическое* изображение торжества, в котором участвовал государь и члены царской фамилии, показалось властям кощунством.

В официальных кругах корреспонденцию сочли «крайне неприличной» и потребовали формально призвать Слепцова к ответу. Письмо-объяснение Слепцова, предназначавшееся для Цензурного комитета, является в высшей степени любопытным документом. Это, своего рода, ключ к пониманию идейно-политического замысла статьи. Оказывается, что писатель, по его собственным словам, *умышленно* усилил комический эффект в описании праздника, *умышленно* выделил смешную сторону дела. Несколько раз Слепцов подчеркивает, что рассказ его «носит на себе чисто юмористический характер», так как он «относился к изображаемому им событию как юморист».

Эти факты, о которых мы узнаём лишь сейчас, придают дополнительный интерес забытой корреспонденции Слепцова — яркой странице в его литературном наследии.

Рюрику спустя 1000 лет,
приходит он и, по чужим
приглашениям.

Рюрику. Ну что... земля
ваша такая велика и
обильна?

— Мелочь такая, В-п-во!

Рюрику. А на счет порядка как?

— Все обстоит благополучно!

Рюрику. Стало быть и меня больше
не надо?

— Конечно так, В-п-во!

Современ. Откуда тетка?

— А вот переступаю 1000 летие.

Совр. Что же это у тебя в
горсточке?

— Мелочь: памятки на ка-
радный шаг.

Совр. А в мешке что?

— Татарщина: неуважение
закона, личности, собствен-
ности... ну и разная другая
дрянь...

Совр. — Так брось эту дрянь,
тетка.

— Нельзя же конфисковать
проста.

ЗАПРЕЩЕННЫЕ КАРИКАТУРЫ. САТИРИЧЕСКИЕ ОТКЛИКИ НА ПРАЗДНОВАНИЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ РОССИИ

Подпись слева:

Рюрик спустя 1000 лет приходит опять но уже без приглашения.

Рюрик. Ну что... земля ваша так же велика и обильна?

— Точно так, в(аше) п(ревосходительст)во!

Рюрик. А насчет порядка как?

— Все обстоит благополучно!

Рюрик. Стало быть и меня больше не надо?

— Точно так, в(аше) П(ревосходительст)во!

Подпись справа:

Современность. Откуда, тетка?

— А вот переступаю 1000-летие.

Современность. Что же это у тебя в горсточке?

— Мелочь: памятки народной жизни.

Современность. А в мешке что?

— Татарщина: неуважение закона, личности, собственности... ну и разная другая дрянь...

Современность. Так брось эту дрянь, тетка.

— Не замай, полегит: хлеба не просит.

Рисунок Н. А. Степанова. Предназначался для журнала «Искра» 1862 г.

Русский музей, Ленинград

ИЗ НОВГОРОДА

(От нашего собственного корреспондента)

7 сентября <1862-г.>

В 4,30 часа утром приехал я по железной дороге на Волховскую станцию и тотчас же пошел на пристань. Я предполагал поспеть в Новгород к перенесению мощей, т. е. часам к десяти, так как пароход идет от станции до города часов пять, шесть. Но каково же было мое отчаяние, когда я узнал, что мы выедем не раньше семи часов. А народу между тем собралось видимо-невидимо: много было таких, которые еще с 9 часов вечера дожидались. Кто поместился в харчевне, названной почему-то кафе-рестораном; кто сидел на пристани; народ влещку растянулся по берегу Волхова, и никто не мог понять, почему нас не везут. Говорили, тумана бояться, но в это утро тумана никакого не было. Совсем рассвело, а касса все заперта и нигде не добьешься толку. Ходят какие-то солдатики и только еще хуже сбивают с толку. Один говорит, в 6 часов пойдет пароход.

— Да это верно?

— Верно, верно, будьте покойны!

У другого спрашивают, говорит, в 10 часов.

— Верно?

— Неужели ж мы станем обманывать?

— Ах, чёрт вас возьми совсем! Слышите, господа: в 10 часов! Ведь до этих пор двадцать раз простудиться можно, а деваться некуда — все занято. Вот, постойте, еще солдат! Служивый, когда пароход идет?

— Неизвестно. Может, часу в 12-м пойдет.

— Да как же в газетах-то напечатано?

— Этого мы не можем знать...

Публика начала волноваться. Все собрались на пристани, теснота страшная. Наконец в 6 часов разнесся слух, что будут багаж принимать, но и это оказалось вздором; кто-то сосплетничал, а публика и поверила. Действительно, стали что-то вешать и клейстер даже принесли, но потом тотчас же опять перестали. А тут кто-то еще распустил сплетню, будто бы багаж повезут вечером и получить его в Новгороде можно будет не раньше 7 часов вечера. Вообще, за недостатком положительных сведений, как это всегда бывает, публика выдумывала и верила всякому вздору.

Наконец ничему не стали верить, а просто начали ругаться и жаловаться на судьбу. Больше всех бегал, хлопотал и приходил в негодование какой-то немец в красной рубашке, кучерской поддевке и черных гражданских панталонах, засунутых в старые спальные сапоги. Немец яростно продирался сквозь толпу, махал по воздуху руками, поднимал вверх угрожающий перст и кричал изо всех сил: «Это ни на что не похоже! Так пользоваться нашим доверием! Это ужасно! Это бесчестно!» Он останавливался перед каким-нибудь совершенно незнакомым человеком, брал его одной рукой за пуговицу, а другой, потрясая в воздухе, восклицал: «Мы будем жаловаться, мы будем протестовать! Надо поспешить заявить об этом через газеты... Я не согласен! Нет, я не согласен! Помилуйте, что это такое!!!» Публика начала сердиться, неудовольствие возрастало; давка и теснота между тем увеличивались.

Немец не унывал.

— Господа! — зывал он к публике, становясь в театральную позу и снимая шляпу. — Господа! Мы будем требовать директора.

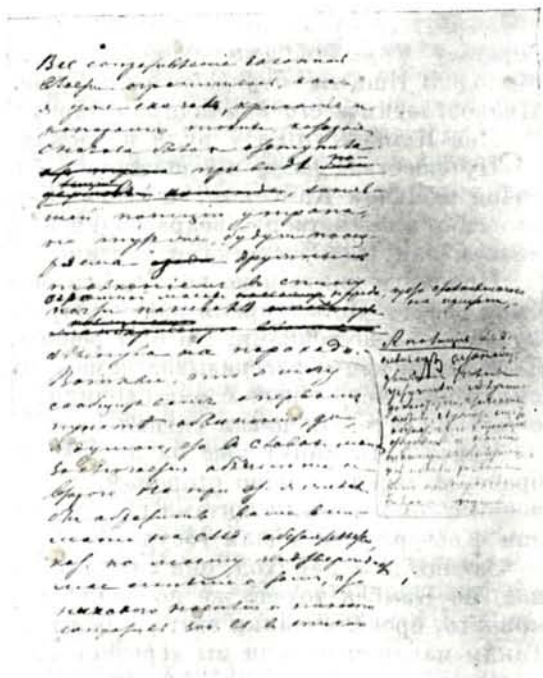
— Директора! Директора! — заревела толпа.

Директор не являлся.

— Он спит; пойдемте его будить! Кассу приступом брать! Мы просим. мы требуем, чтобы начальство пароходного общества поступало на закон-

СТРАНИЦА ИЗ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ
ЗАПИСКИ СЛЕПЦОВА ПО ПОВОДУ
ЕГО КОРРЕСПОНДЕНЦИИ
«ИЗ НОВГОРОДА», 1862 г.

Архив Октябрьской революции,
Москва

ном основании, — вызвал тот же немец, неожиданно появившийся в другом конце пристани.

— Директор идет! — раздался чей-то голос.

— Сюда его!.. Браво!

Немец уже стоял перед директором и кричал во все горло, вздергивая руки вверх:

— Это ужасно! Это бесчестно! Я об этом завтра же напечатаю в газетах.

Директор спросонья ничего не мог разобрать.

— Я не генерал, я — мужик! — продолжал немец. — Меня, слава тебе господи, знает Россия. Я — *Лев Камбек!*..

— Молодец! Молодец! — кричала толпа, которой почему-то понравилась такая протестация.

— Господа, позвольте! — уговаривал директор, — мы всё это...

— Ничего не хотим слушать! Кассу отпереть! — требовали пассажиры.

— К чему нам билеты! Господа, на пароход! За мной!..

Лев Камбек бросился к трапу и с отвагой, свойственной пылкому юноше-поручику, идущему на приступ, кинулся на пароход. Неизвестно откуда взявшиеся жандармы стали защищать палубу; но толпа, воодушевленная своим предводителем, ломилась вперед. Тут же отперли каску, но билетов никто не хотел брать; пассажиры, поощряемые задними рядами, сделали еще один натиск и с громкими криками победы взяли приступом пароход. Полиция попыталась было еще раз удержать за собою позицию и дать отпор; но, к стыду своему, должна была уступить вновь подоспевшему натиску толпы. Поднялся визг, давка. Сняли трап, но и этим не могли остановить общего движения. Пассажиры стали прыгать прямо с пристани, бросали вещи на палубу и ничего слушать не хотели.

— Подай свисток! — командовал предводитель атаки — Лев Камбек, и пароход, с такой отвагой отбитый у общества, тронулся в путь.

— Вот, поди ж ты! — рассуждали пассажиры, когда мы отошли от берега, — что один человек может сделать! Ведь сидели бы мы и теперь. Молодец! Ишь ты, борода-то какая у него. Ай да Камбек! Браво Камбек! Провозгласимте его командиром парохода. Ура!..

Лев Камбек стоял у руля и раскланивался публике.

Путешествие наше продолжалось благополучно. Публика, довольная собой и Львом Камбеком, шумела, пароход подвигался. В буфете оказалось только четверть ведра водки и чай; все это очень скоро было выпито и закусено остатками ветчины.

Прислуги никто и не видал. Все распоряжались сами; одним словом, было весело. Во все время нашего странствия Лев Камбек утешал публику разными шуточками. Он был решительно неутомим и попевал везде. То в одном конце рассказывал дамам, что в 1855 году, когда он служил в ополчении, все от него с ума сходили; то кричал на рулевого и вдруг ни с того ни с сего подавал сигнал.

Через пять минут уже на палубе пили здоровье Камбека и кричали браво. А между тем по сторонам, то вправо, то влево показывались деревни с соломенными щитами и толпой разряженных крестьян на берегу: они с вечера еще ждали государя.

Завидя наш пароход, они снимали шапки и в недоумении смотрели на нас, но Камбек тотчас же подавал сигнал, и вдруг вся толпа начинала кричать, бросала шапки вверх и бежала по берегу с громким криком ура. Таким манером надули мы деревень пять или шесть. Наконец часов в 12 приехали мы в Новгород. Издали еще показались на мосту, соединяющем две части города, разноцветные знамена; вправо старый Кремль, искусно реставрированный неизвестно зачем. На берегу и на мосту толпы народа; везде необыкновенное движение и чистота. На пристани встретила нас петербургская полиция. На улице экипажей и гвардии множество. Народ кучами примостился на берегу и у кремлевской стены; на каждом шагу предлагают квартиры, но, благодаря благоразумному распоряжению городского начальства, цены умеренные: от 10-ти до 2-х рублей в сутки. В гостинице, говорят, и по 25 рублей берут. Я нашел себе комнату в 2 рубля с прислугой и самоваром. Переоденусь и сейчас же иду осматривать город. Сегодня вечером ждут государя и еще некоторых членов царской фамилии. В следующем письме напишу о том, что увижу в этот вечер.

7-го сентября

Тотчас же по приезде в Новгород, я пошел посмотреть приготовления к празднику. На улицах движение, экипажи, гвардия на каждом шагу. Приезжие ищут квартиры; на домах сооружают щиты, утверждаются флаги; в залах для стрижки волос мировые посредники и другие мирные граждане пробивают себе на подбородке пятаки; народ смотрит на все это и удивляется. Зашел я в гостиницу «Москва», где застал огромное общество петербургских офицеров; все торопились куда-то, ели на скорую руку, охорашивались перед зеркалом и спешили уйти. И я тоже поспешил, тем более, что обед был довольно плох, и к вечеру ожидали государя. С моста Кремль, даже и подчищенный, очень некрасив со своими неуклюжими главами и одиноко торчащей башней в стороне. Влево с моста стелятся плоские берега Волхова, кое-где поросшие лесом; направо пристань, барки; дальше идут дома, флаги; барабанный бой резко разносится по воде. Вокруг Кремля весь берег устлан народом; у царской пристани, обтянутой красным сукном, собирается войско, главные ворота в крепость обставлены полицией. Памятник, покрытый чехлом, показывается на площади, насупротив присутственных мест. От собора к памятнику устраивают деревянный помост. Я продрался сквозь толпу и спустился по-

берегу почти к самой воде. Тут лежал и сидел разного свойства, из разных мест собравшийся люд, с загорелыми лицами, в протертых лантях, с мешками и котомками за спиной. Многие из них жили тут на берегу уже целую неделю, ожидая праздника и питаюсь принесенными из дому сухарями. Народ разместился по косогору и под мостом кучами; все молчали. У одной кучки ораторствовал слегка выпивший отставной солдат. Дело шло о тысячелетии. Слушатели, мужики в холстинных зипунах и бабы с котомками, молча смотрели на оратора. Он говорил в таком роде:

— Вы — мужики, и следственно, рассуждать об этом вам никак невозможно. Что вы понимаете?

У кремлевских ворот толпятся люди всех сословий, причем слышатся возгласы, неизбежные при большом стечении народа. Через мост на извозчиках не пускают. Дворяне, купцы, мещане, городские головы, старшины и проч., в мундирах, с озабоченным видом и вспотевшими лицами, пробираются к пристани. Сельские старшины и головы выстроены у ворот. Петербургский городской равняет их в шеренгу и велит поправлять вихры.

— Да ты бороду-то, мочалку-то свою расчеши! — муштрует он старшин.

Наконец на противоположном берегу, тоже усеянном зрителями, замечается волнение. «Царь едет! Царь едет!» — проносится в толпе. Вот показался пароход, музыка заиграла, и в то же время стал накрапывать дождь. Государь сошел с парохода, сел в коляску и поехал в Кремль. «Ура!» — И толпа кинулась за коляской.

Вечером, только что стало смеркаться, начали зажигать иллюминацию. Две главные улицы, мост, кремлевские ворота, архиерейский дом, в котором остановился государь, и присутственные места осветились. В разных местах горели щиты. Один виноторговец изобразил над дверьми своей лавки русского мужика, очень похожего, впрочем, на пуделя, стоящего на балконе в цветах и держащего ленту, на которой написано: *Радуйтесь 1000-летию России!* Сам виноторговец-немец сильно хлопотал над щитом, лазил на стену, кричал, сердился, выпачкался весь салом и скипидаром, и все-таки щит не удался, потому что пошел дождь и вся иллюминация раскисла и расклеилась. Купцы и прочие обыватели устраивали гирлянды из дубовых листьев и божьего дерева. Почтамт, гимназия и дворянское собрание тоже приготовили освещение, но и им не повеселилось. Плошки гасли, промокший народ бродил по улицам, экипажи носились из конца в конец. Часам к 12 ночи все затихло: проехал петербургский патруль; по ту сторону реки еще светился огонек на кремлевской стене, наконец и он погас.

8 сентября

Утро 8 сентября в Новгороде было отличное: небо ясное, погода теплая, хотя и ветрено. Еще задолго до обедни стали собираться в Кремль, где были устроены по обе стороны памятника места для зрителей в виде амфитеатра. На мост пускали не иначе, как по билетам, так что весь берег Софийской стороны города был пуст. Но только что отошла обедня и процессия с хоругвями и духовенством тронулась из собора, как народ бросился к воротам и ворвался в Кремль. Впрочем, его успели вовремя остановить, так что все-таки на площади перед памятником публики было немного. Митрополит в сопровождении духовенства, государь, государыня, члены царской фамилии и весь генералитет прошли по разостланному сукну вокруг памятника, и началось молебствие с многолетием и пушечной пальбой; после чего был произведен парад войскам, присланным по случаю открытия памятника из Петербурга. Войска выходили в главные ворота и, обогнув крепость, возвращались к дому дворянского собрания, где новгородским купечеством был приготовлен для солдат обед, а для офицеров закуска в роскошно убранной палатке.

После парада государь вместе с государыней и членами царской фамилии отправился в архиерейский дом, а после этого тотчас же началось угощение войска. Купечество распорядилось обедом не совсем ловко: солдаты вдруг накиннулись на столы и кто пришел первый, тому и досталось больше других. Приходившим после ничего не пришлось получить. Несколько баранов с вызолоченными рогами, пироги и водка исчезли мгновенно.

Вечером иллюминация была в полном блеске.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА СЛЕПЦОВА ПО ПОВОДУ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «ИЗ НОВГОРОДА»

Через несколько дней после появления в «Северной пчеле» корреспонденции «Из Новгорода» министр внутренних дел Валуев обратил внимание на нее министра народного просвещения Головнина, а последний — председателя С.-Петербургского цензурного комитета Цеэ, который, в свою очередь, объявил редактору «Северной пчелы», что автор «крайне неприличной» корреспонденции — Слепцов — «подлежит за нее законной ответственности»⁹.

В бумагах писателя, отобранных у него при аресте в апреле 1866 г., среди других рукописей, имеется черновик затребованного у него властями объяснения.

Приводим текст этого документа:

Прежде нежели сообщить вам требуемые от меня сведения, я считаю необходимым заметить, что так как статья моя, о которой идет речь, относится к литературным произведениям, то я не беру на себя ответственности за точное и буквальное подтверждение изображенного в ней события.

Произведение это, кроме того, явным образом носит на себе чисто юмористический характер, как, вероятно, вы сами заметили, и потому еще менее обязывает меня подтверждать юридически описанное происшествие.

Никто до сих пор не относил юмористических рассказов к категории судебных доказательств, да и в русском законодательстве, сколько я знаю, ничего подобного не замечается, а потому я не вижу причины — почему бы мой рассказ мог быть рассматриваем с этой новой точки зрения и почему суждено ему играть такую небывалую роль в истории русской литературы. Основываясь на независимости литературного произведения, сверх того еще одобренного цензурою, я считаю себя в праве не давать отчета даже в преувеличениях и искажениях, если бы таковые и были найдены в моем рассказе.

Я относился к изображаемому мною событию как юморист, я описывал не юридический факт, а только ряд *более или менее* правдоподобных сцен, имевших основанием действительность.

А на действительность я мог смотреть, как мне угодно: с научно-философской или с нравственно-юмористической стороны — это мое дело. Рассматривая его с одной стороны — я мог видеть одно; с другой — другое. Относиться же к факту с полицейской точки зрения я никогда не думал, и потому рассматривать рассказ мой как извещение о совершенном преступлении было бы ни с чем не сообразно. Если же эти юмористические сцены, против всякого с моей стороны желанья, подали повод к судебному исследованию, то и в этом случае я как извещатель по закону доказывать извещение не обязан.

Обращаюсь затем к выводимым из моей статьи обвинениям, а именно:

1 —

2 —

3 —

Я, уже как частное лицо и как очевидец, могу вам сообщить, что ни одного из упоминаемых преступлений в известном вам случае совершенно не было, да, сколько я мог видеть, и совершиться не могло.

Я разберу здесь каждый пункт обвинения отдельно.

Прежде всего, говоря о насилии, как вы выражаетесь, к пароходу, я нахожу, что даже самое слово *насилие* тут решительно не уместно, да я его ни разу и не употреблял в моем рассказе, и потому решительно не знаю, о каком насилии идет речь. Если оно и было, то со стороны дирекции пароходного общества, которое выказало в этом случае произвольное и, следовательно, насильственное распоряжение поступками пассажиров, которые, в свою очередь, не только не *сопротивлялись законной власти*, как вы говорите, но, напротив, в продолжении девяти часов сряду беспрекословно зябли и позволяли вовсе не имеющей никакой власти пароходной дирекции располагать собой самым незаконным образом. И когда, наконец, мера человеческого терпения переполнилась и пассажиры возроптали, то и тут протестация их ограничилась только молебными стонами и мольбой о пощаде. Во все это время дирекция почивала безмятежным сном невинности и была пробуждена только тогда, когда привыкшие ко всякой невнимательности пассажиры потеряли уже всякую надежду на то, что дирекция наконец смиляется и даст пароход.

Но даже и тут, когда наконец явился вождеденный директор — лейтенант Племянников, даже и тут возмущившаяся против законной власти толпа позволила себе только покричать. Но, сколько я знаю, кричать в законе не запрещается, особенно в том случае, когда частное лицо частному же лицу наносит физический или нравственный вред. Известный же вам г-н Лев Камбек в этом случае только орудие толпы и выражение всеобщего негодования против незаконной власти пароходной дирекции. Понятно, что если бы он выражал только свои личные чувства и желания, не соответствующие чувствам и желаниям всей толпы, то протест его встретил бы непременно со стороны остальных пассажиров сопротивление, и дело никогда не могло бы кончиться так, как оно кончилось тогда.

Публика, может быть, посмеялась бы только, но на пароход бы не пошла, особенно если бы со стороны дирекции видно было желание удовлетворить законным требованиям пассажиров.

Но в том-то и дело, что дирекция сама очень хорошо понимала, что главная причина скандала — она сама и что дело поправить уже поздно, потому-то она и послала за жандармами, потому-то она и старалась замазать дело и замазать его клейстером и обещаниями в роде того, что: позвольте, господа! Мы всё это... одним словом, дирекция, будучи сама кругом виновата и выказав возмутительнейшее презрение к публике, вдруг струсила и схватилась за последнее средство, за полицию, для того, чтобы придраться к неизбежному в подобных случаях столкновению толпы с полициею и всю вину свою сложить на толпу.

Такое действие дирекции тем более недобросовестно, что она укрылась под защиту полиции тогда уже, когда публика была доведена ею же (дирекциею) до крайней степени негодования, когда все пассажиры убедились окончательно, что на дирекцию надеяться нечего, что остается одно средство: или идти пешком, или самим сесть на пароход и велеть себя везти в Новгород. Само собою разумеется, что публика избрала последнее, тем более, что она чувствовала себя глубоко оскорбленной и униженной, и что 3—4 жандарма удержать напор толпы в 300 человек никак не могли.

Доказательством, что буйства и никакого насилия со стороны пассажиров и быть не могло, служит еще то обстоятельство, что в числе пассажиров, приехавших на пароходе «Волхов» в Новгород, было два генерала, духовные лица, как-то: священники и монахини и, кроме того, много дам и детей, которые, разумеется, не могли бы попасть на пароход, если бы насилие, как вы говорите, выражалось чересчур энергично и сопровождалось физическими приемами*.

Все сопротивление законной власти ограничилось, как я уже сказал, криком и напором толпы, которая сначала было и отступила при виде полиции**, занявшей позицию у трапа, но тут же, будучи поощряема дружным толканием в спину огромной массы народа, густо столпившегося на пристани, почти поневоле [оттолкнула полицейских] и хлынула на пароход.

А полиция, видя невозможность остановить движение толпы, уступила. А лучшим доказательством того, что насилия не было, служит еще то обстоятельство, что дирекция отправила с нами шкипера с билетами, которые и были розданы уже на пароходе во время пути.

Вот все, что я могу сообщить вам о первом пункте обвинения, да, я думаю, что в словах моих заключается объяснение и второго. Но при этом я желал бы обратить ваше внимание на следующее обстоятельство, которое по-моему подтверждает мое мнение о том, что никакого насилия и никакого сопротивления законной власти в описанном мною случае не было.

Со времени напечатания моего рассказа прошло уже четыре месяца и до сих пор, сколько мне известно, не было прислано в редакцию того издания, в котором он был напечатан, ни одного протеста ни со стороны законной власти, которая очевидно не считает себя в этом деле оскорбленной, ни со стороны пассажиров, ехавших со мной на пароходе «Волхов», которые тоже, как видно, не нашли в моем рассказе ничего несправедливого и, главное, наконец, со стороны дирекции пароходного общества, которая, с вашей точки зрения, должна бы считать себя оскорбленной и требовать удовлетворения за самовольное распоряжение его собственностью.

[Было, это правда, прислано в редакцию «Северной пчелы» вскоре после этого события письмо станового пристава 1 ст., в котором автор утверждал, что все написанное мною в 243 № «Северной пчелы» совершенный вздор, что ничего подобного и не было, что я все это выдумал и что если бы даже и было такое происшествие, то он как лицо официальное должен был бы все это знать лучше меня. Но через несколько дней тот же пристав прислал в ту же редакцию другое письмо, в котором убедительнейше просил первого письма не печатать.]

Что же касается последнего и главного пункта вашего обвинения, то я должен признаться, что он мне кажется до такой степени ни из чего не вытекающим и что самый факт представляется мне до такой степени невероятным, что я решительно теряюсь в догадках: какими соображениями можно было руководствоваться при выводе такого заключения из моего рассказа. Не говоря уже о невозможности самого факта, не говоря, наконец, о невозможности оглашения его посредством печати, при существующих цензурных правилах, я не могу себе представить даже, чтобы я мог хотя нечаянно сказать что-нибудь подобное, тем более в такой легкой юмористической форме, которой отличается весь рассказ. Тем более, что, обвиняя других, я должен бы таким образом обвинить и самого себя, потому что и я ехал на том же пароходе.

* Первоначально: крутыми мерами.

** Первоначально: а) жандармов; б) команды

Я знаю, что из литературного произведения каждый может выводить умозакключения, какие кому угодно, и я как автор известного рассказа защищать его не могу, но в то же время я не могу допустить даже мысли, чтобы из моего рассказа можно было вывести целое преступление, которого я даже себе и представить-то хорошенько не могу. [Как это кощунство — над верноподданническими чувствами? Я, право, понять не могу, о чем это говорится. Да и кто же это мог сделать в присутствии толпы пассажиров?]

*Hy found Petunika, found me
Lobovnikov*

ЗАПРЕЩЕННАЯ КАРИКАТУРА НА ВЫСШУЮ ПОРЕФОРМЕННУЮ АДМИНИСТРАЦИЮ

«Ну, брат Петинька, будь тебе важным человеком»

Рисунок неизвестного художника. Предназначался для журнала «Заноза», 1862—1863 гг.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Я как пассажир, как очевидец случившегося происшествия утверждаю, что кощунство, о котором вы упоминаете, существует только в воображении, что ничего подобного не было и быть не могло; и что если бы я мог только убедиться, что в рассказе моем о путешествии нашем по Волхову заключается именно тот смысл, о котором вы говорите, то ясию же минуту отказался бы от авторского права на это произведение и должен бы был признаться, что если оно и написано мною, то не иначе, как в припадке умопомешательства или в пьяном виде, и что цензор, редактор и корректор «Северной пчелы», печатая этот рассказ, были тоже не в своем уме.

Если некоторые неточные выражения в моем рассказе подали кому-либо повод вывести такого рода заключения, то эта же самая неточность представляет вам возможность сделать и другие, совершенно противоположные заключения. Почему вы хотите видеть в этих выражениях только тот смысл, который вы им придали совершенно произвольно? Почему вы находите,

что веселое расположение духа, овладевшее всеми пассажирами по отъезде из пристани, имело такой преступный характер? Ведь я этого не говорил. И почему же приветствие пассажиров и свисток может быть кощунством над верноподданныческими чувствами прибрежных жителей к своему монарху?

Если вы слову *сигнал* придаете какой-то особенный смысл, то, согласитесь, я с своей стороны такого смысла ему не придаю, да и никогда не придавал. Я просто хотел сказать, что Лев Камбек подавал свисток, как это обыкновенно делается при проезде мимо пристани или деревни, а почему крестьяне кричали ура и бросали шапки, я не знаю. Я даже наверное не могу сказать, что они кричали: ура или просто а-а-а! Пассажиры на эти крики тоже отвечали криком и поклонами.

Я не думаю, чтобы крики приветствия можно было назвать кощунством. Принять нас за государя крестьяне не могли, потому что могли видеть нас так же ясно, как и мы их; да никто и не думал вводить их в заблуждение, и если уж необходимо называть каким-нибудь именем эти выходки слегка подгулявших пассажиров, то по-моему вернее всего было бы назвать их не кощунством, а школьничеством. Это определение тем более верно, что вся эта толпа была воодушевлена одним общим веселым расположением духа, которое овладело пассажирами, как только сели на пароход, и чувство это очень естественно выразилось разными комическими сценами, не заключавшими в себе ровно ничего серьезного. Потому-то и пили шутя здоровье Камбека, потому-то, тоже шутя, провозглашали его командиром, шутя подавали сигнал, шутя кричали, пили и пели и занимались безобидными в высокой степени невинными разговорами и, наконец, шутя описал я все это происшествие и никогда в помыслах не имел придавать ему серьезное значение.

Автограф. ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, лл. 21—30.

Это «объяснение» Слепцова следует датировать началом или серединой января 1863 г. «Со времени напечатания моего рассказа <10 сентября 1862 г.> прошло уже четыре месяца...», — указывает Слепцов. По-видимому, его призвали к ответственности с запозданием, так как ранее он был вне Петербурга. В письме к М. А. Маркович от 23 февраля <1863 г.> читаем: «Не отвечал так долго на вашу записку <...> потому, что я получил ее только две недели тому назад по возвращении моем в Петербург из Новгорода»¹⁰.

Насколько можно судить по опубликованному нами черновику «объяснения» Слепцова (других материалов в нашем распоряжении нет), от него потребовали «юридического» подтверждения достоверности фактов, описанных им в корреспонденции. Он должен был привести доказательства в том, что во время новгородских торжеств действительно имели место: 1) «насилие», учиненное толпой над частной собственностью — пароходом; 2) «сопротивление законной власти» — полиции; 3) «кощунство над верноподданныческими чувствами <...> к своему монарху». Предполагалось, что непредставление требуемых «доказательств» дает основание квалифицировать корреспонденцию Слепцова как клевету в печати и позволит привлечь автора к судебной ответственности. Слепцов, однако, нашел способ действительной защиты. Он решительно отводит «преступный» характер описанных им событий. И толпу, и «предводителя» ее — Льва Камбека, и себя он представляет в объяснительной записке мирными и благонамеренными людьми. Всю вину за происшедшие беспорядки он возлагает на пароходную дирекцию, хотя из корреспонденции его очевидно, что имело место и самовольное овладение пароходом и сопротивление толпы жандармам. Особенно настойчиво опровергает писатель «кощунство над верноподданныческими чувствами». В зачеркнутом варианте соответствующего места в записке это звучит как выражение благородного негодования человека, который не способен даже подозревать нечто подобное: «Как это кощунство — над верноподданныческими чувствами? Я, право, понять не могу, о чем

это говорится». Впадая в тон своих обвинителей, Слепцов заверяет, что он «отказался бы от авторского права на это произведение», если бы поверил, что в его рассказе действительно есть приписанный ему одиозный смысл. Он упрекает представителей власти в предубежденном чтении его будто бы «чисто юмористического» рассказа о безобидном происшествии. При этом дважды весьма дипломатически Слепцов ссылается на цензуру, пропустившую в печать его произведение, которое он упорно называет при этом не статьей, не корреспонденцией, а «рассказом». Отметим, что история, описанная Слепцовым в «Северной пчеле», вызвавшая неодобрение в официальных кругах, заинтересовала «Искру». В нескольких номерах журнала, в прозе, в стихах, в публицистических статьях то излагается содержание заметки Слепцова, то цитируется значительная ее часть, то говорится по поводу самого происшествия и ее центрального героя — Льва Камбека. «Искра» обличает запоздалые действия полиции, неуважительное отношение пароходного начальства к пассажирам: «Удивительная беспечность, возможная едва ли только не у нас, в России... Тысячи народа на месте в продолжение полсуток не могут получить сведений, почему их не везут!.. Не делают сначала того, что требует прямая обязанность, доведут публику до раздражения, отнимут всякое терпение, — а потом сами же сейчас и к полиции: посмотрите, дескать, какой беспорядок! О Rus! О Русь!»¹¹.

Сосредоточивая в дни празднования тысячелетия России внимание на «бытовом» событии, «Искра», как и Слепцов, снижала торжественность юбилея. Снижала она и роль «спасителя» Льва Камбека. Имя «героя» пароходной истории «Искра» сделала на некоторое время нарицательным именем современного «героя», борющегося со всякого рода злоупотреблениями в эпоху реформ, «гласности», «публичности»:

...К вагонам кинулся и первый из вагонов,

Как древле Лев Камбек, взял приступом Бурбонов...¹²

а также стихи Д. Д. Минаева:

Иль вдруг падет, как на голову снег,

Неутомимый Лев Камбек!¹³

Тот же Минаев посвятил ему в «Искре» целую «героическую поэму»: «Призвание Льва Камбека в Новгород в 1862 году». Вот две строчки из нее:

... Директора громко он кликал и звал он кассира к ответу:

— Я Камбек, известный Лев Камбек! Статью напишу я в газету!¹⁴

* * *

Почти в то же время, когда по поводу новгородской корреспонденции Слепцова шла официальная переписка между Валуевым, Головинным и Цеэ, становой пристав Белафин из г. Чудова счел необходимым оберечь местную полицию от упреков в небрежном отношении к общественным беспорядкам и отправил в редакцию «Северной пчелы» письмо, в котором решительно отрицал достоверность фактов, сообщенных корреспондентом «Из Новгорода». Но через несколько дней, очевидно, боясь огласки, или удостоверившись в правдивости сведений, опубликованных в «Северной пчеле», или, быть может, узнав о том, что автор будет привлечен к «законной ответственности», прислал, как свидетельствует Слепцов в своей объяснительной записке, другое письмо в редакцию с просьбой не печатать первого.

Оба эти документа сохранились в бумагах писателя (ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 176, лл. 1—2).

Приводим первый из них:

В редакцию газеты «Северная пчела»

(18 сентября 1862 г.)

В № 243 «Северной пчелы» напечатано первое письмо корреспондента этой газеты из Новгорода, в котором он описывает путь свой туда перед празднованием тысячелетия России. С Волховской пристани начинаются приключения общества, среди которого ехал г-н корреспондент. Здесь это общество, раздраженное, по словам письма,

крайним невниманием дирекции пароходства к публике, неотправлением в назначенное время парохода, увлекаемое красноречием и предприимчивостью некоего Льва Камбека, берет пароход силою, овладевает им и, прогнав жандармов и полицию, отправляется в путь, по-видимому, не только вопреки воле и согласию дирекции пароходства, но даже и без участия ее.

Как житель здешней местности, без сомнения, слышавший бы о подобном происшествии, и как частный человек, я немало подивился обширности фантазии г-на корреспондента. Привыкши, впрочем, к подобным газетным статьям, время от времени появляющимся у нас, способным занимать читателя только до первого опровержения, я просто посмеялся бы только. Ведь корреспондентам необходимы приключения...

Но как представитель местной полиции и по поручению начальства, и по собственному сознанию важности времени с усиленным вниманием наблюдавший за порядком и спокойствием во вверенной мне местности, как лицо в этом отношении вполне ответственное, я, с совершенным ручательством за истину, считаю обязанностью огласить, что никакого беспорядка на Волховской станции 7 сентября, подобно описанному в № 243, не было. Ни публика, ни Лев Камбек во главе ее, парохода силою не брали, прямо с пристани никто на него не скакал, пароходы всегда отправлялись в назначенное время и под управлением лиц, от дирекции назначенных.

Был, правда, незначительный спор у этого самого Льва Камбека с кассиром, выдававшим билеты на пароход, о позднем получении в Москве публикаций о перемене поездов, спор, над которым смеялась публика; и только. Спор этот не имел ни малейшего признака того раздражения, до которого, по словам корреспондента, была доведена публика; некоторое участие публики в споре, скорее шуточное, чем серьезное, не только не имело характера насилия, но оно было так ничтожно, что ни жандармы, ни полиция не нашли достаточного повода вмешиваться в этот спор и не принимали в нем ни малейшего участия.

Откуда же вы все это взяли, г-н корреспондент? Такой крайний беспорядок в управлении пароходства, раздражение публики, дошедшее до явной борьбы с служащими при пароходстве и кончившееся насильственным завладением парохода, громкие и неистовые крики торжествующей толпы, прогнание жандармов и полиции и проч. и проч.

Ведь всякие фантазии, особенно в корреспондентах такой уважаемой газеты, как «Северная пчела», должны иметь границы, а тем более в описаниях случаев, касающихся общественного порядка и спокойствия.

Становой пристав Б е л а в и н

18 сентября 1862. Чудово.

Письмо Чудовского пристава — один из тех документов, которые позволяют конкретнее воссоздать политическую обстановку, в которой приходилось работать Слепцову, и глубже понять формы борьбы писателя с властями и цензурой.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «С.-Петербургские ведомости», 1862, № 1, от 1 января.

² С. С. Т а т и щ е в. Император Александр II, т. I. СПб., 1903, стр. 403.

³ «Северная пчела», 1862, № 244, от 10 сентября.

⁴ «Современник», 1862, № 1, стр. 20.

⁵ В. С. К у р о ч к и н. Да будет омрачен позором. — «Песны „Искры“», т. I. Л., 1955, стр. 202.

⁶ «Ответ русского на французскую брошюру „Император, Польша и Европа“ в переводе Льва Камбека». СПб., 1863, стр. 23.

⁷ Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб., 1907, стр. 111—116.

⁸ Там же, стр. 98—101.

⁹ «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 686—688.

¹⁰ Письма Слепцова к М. А. Маркович. — ИРЛИ, ф. 9526, л. VI б. 45.

¹¹ «Хроника прогресса». — «Искра», 1862, № 36, от 21 сентября.

¹² В. К а р п о в к и н <В. С. Курочкин>. Поездка в Петергоф. — «Искра», 1864, № 31, от 18 августа.

¹³ Обличительный пост <Д. Д. Минаев>. Заседание клуба четвероногих. — «Искра» 1862, № 48, от 14 декабря.

¹⁴ «Искра», 1862, № 38, от 5 октября.